

К СЕМАНТИКЕ СЮЖЕТА ПРИДВОРНОЙ КОМЕДИИ 1760-х гг. («МОТ, ЛЮБОВИЮ ИСПРАВЛЕННЫЙ» В. И. ЛУКИНА)

Алексей Евстратов
(Москва – Париж)

«Мот, любовию исправленный» (1765)¹, прозаическая комедия в пяти действиях, считается единственным сколько-нибудь самостоятельным творением В. И. Лукина, который известен исключительно переводами [10: IX; 13: 238]. В предлагаемой статье пьеса Лукина анализируется на фоне комедий из репертуара придворной французской труппы и в контексте придворных отношений начала екатерининского царствования.

1. Сюжет комедии Лукина таков. Бывший мот Добросердов живет в московском доме немолодой вдовствующей княгини, чтобы иметь возможность ухаживать за ее племянницей Клеопатрой. Счастью любовников препятствует, во-первых, страсть княгини, которая всерьез увлеклась Добросердовым и поэтому спешит, распаляемая ревностью, выдать Клеопатру замуж за другого, а во-вторых — займодавцы Добросердова, которые уже успели донести в магистрат о долгах мота (его вот-вот заключат в тюрьму). Ложный друг героя Злорадов интригует, стремясь избавиться от простодушного приятеля и получить в жены княгиню вместе с солидным приданым. Слуги Добросердова и Клеопатры Василей и Степанида всеми силами стараются приблизить счастье хозяев, но только внезапное появление младшего брата спасает Добросердова от тюрьмы. Комедия завершается нравоучением, которое произносит слуга Василей. В последней реплике пьесы он адресует своему господину пожелание,

что бы все девицы вашей любовнице уподоблялись; а устарелые кокетки, которые во гроб с жеманством сходят, следуя ей сиятельству, от того отвращение получили. Все бы моты по вашему примеру на

¹ Первое представление пьесы состоялось 19 января 1765 г. Первая часть сборника «Сочинения и переводы...», в составе которого была напечатана комедия, вышла, очевидно, в августе того же года [5].

истинный путь обращались: а слуги и служанки, как я и *Степанида* верно господам служили. Наконец, что бы неблагодарные и лукавцы, страшась гнусных своих пороков, от них отставали, и помнили бы, что бог злодейства без наказания не оставляет [8: 150]².

Мораль пьесы сформулирована в реплике Василея таким образом, что каждый из основных персонажей пьесы дает повод для нравоучительной сентенции. Действительно, круг изображенных в комедии пороков и добродетелей не ограничивается расточительством. Более того, оно вовсе не показано в пьесе: нравственное преобразование бывшего мота Добросердова совершилось еще до начала действия. То есть в названии «Мот, любовь исправленный» заключен не сюжет комедии, а именно характеристика персонажа, который с первых явлений и до развязки демонстрирует плоды своего исправления. Таким образом, пьеса Лукина лишь формально примыкала к блоку комедий, изображающих карточных игроков и разнообразных расточителей. Этот блок в репертуаре придворного театра начала екатерининского царствования представляли, например, такие пьесы как «Игрок» (*Le Joueur*, 1696) Реньяра (представления 1 окт. 1764; 10 фев., 29 апр., 10 нояб., 21 нояб. 1765), «Тюркаре» (*Turcaret*, 1709) Лесажа (27 янв. и 1 окт. 1764) и др. Общей схемой пьесы Лукин был обязан французской комедии 1730-х гг.

Лукин указывал в предисловии к пьесе свой образец — комедию «Мот, или Честная плутовка» (*Le dissipateur, ou l' Honnête friponne*) Детуша (впервые опубликована в 1736 г. и впервые поставлена на сцене Комеди-Франсез в 1753 г.). В предисловии к пьесе Лукин называл Детуша «великим автором» и перечислял достойные подражания пьесы французского писателя [8: XIV]. Многие из названных Лукиным комедий входили в репертуар французской труппы придворного театра начала екатерининского царствования³. Комедию Детуша от пьес Реньяра и Лесажа отли-

² Здесь и далее в цитатах курсив источника.

³ Так, «Мот...» представлялся по-французски на придворном театре 4 октября 1764 г. и 4 июля 1765 г. [9: 31, 223]. Еще в 1747 г. А. П. Сумароков писал в «Эпистоле о стихотворстве»: «“Женатый философ”, “Тщеславный” воссияли, / И честь Детушеву в бессмертие вписали» [14: 121]. См. также [14: 127].

чала благополучная для мота развязка. Иначе говоря, в пьесе Детуша главная цель комедии — исправление нравов⁴ — достигалась не за счет изображения погрязшего в пороке персонажа и его наказания в финале, а благодаря демонстрации его исправления, в основе которого лежала любовь в разнообразных своих проявлениях. Этому типу комедий следовал и Лукин, который называл их «характерными, жалостными и благородными мыслями наполненными». В исследовательской литературе этот жанровый тип принято называть «слезной комедией» или «нравоучительной комедией» [16].

Лукин сообщал, что старался «убегать» Детуша и, действительно, его комедию можно назвать скорее продолжением, чем переложением французской пьесы [4: 115]. В доказательство своей творческой самостоятельности Лукин сопоставлял изображение трогательной сцены разговора мота со слугой у Детуша и в собственной пьесе:

Кажется, что не подражал я де *Тушу*, и не можно меня почесть ворм обокравшим красоты его. Сходны у нас с ним последния явления, где его *Мот с Паскеном*, а мой *Добросердов с Васильем* разговаривают; но и тут всякой знающей Театр найдет у меня противоположение. Слуга де *Тушева Мота* вольной, а *Василей* крепостной. Тот будучи вольной дает деньги господину своему в самой крайности; признаюсь, что добродетель от толь нискаго человека великая; но *Васильева* больше. Он отпускается на волю и получает награждение; но того и другаго не приемлет. Положим, что деньги для него безделица; но вольность, сия драгоценная вещь, о которой они паче всего пекутся, и для которой добрые из них молодья свои леты усердно нам прислуживают, дабы в старости из кабалы освободиться; однако

25 марта 1768 г. директор придворного театра Елагин писал гр. А. Р. Воронцову о ролях, в которых нуждалась французская труппа: «Мне надобны Альзира, Заира, Ифигения, Андромаха, Марианна, Тулия, да множество больших комических ролей, особливо из Детуша, Лашосе и прочих авторов» [2: 336]. 11 января 1769 г. императрица присутствовала на любительском придворном представлении комедии по-французски [18: 136]. Следовательно, придворный успех Детуша и Лашоссе в 1760-е гг. был стабильным.

⁴ См., напр., программное предисловие Детуша к комедии “Le Gloüieux (Гордец)” (1732). Предисловие к «Моту...» обнаруживает некоторое сходство с предисловием к «Гордецу».

Василей презирает вольность и остается при господине своем. Вот примерная добродетель! и такая, которая и в боярах общему называться не может [8: XVIII–XIX].

Персонаж добродетельного слуги в пьесе Лукина неоднократно привлекал внимание исследователей, в частности, как первый крепостной, выведенный на сцену в качестве одного из основных персонажей [3: 74–75]. Фигура Василея заставила П. Н. Беркова констатировать противоречие в идеологии Лукина: с одной стороны, писатель защищал «добросердечных поселян», а с другой — пропагандировал «рабскую мораль», представляя «хотульного» Василея в качестве образца [3: 48], ср. [19: 41]. Полемицируя с Берковым, Л. И. Кулакова отметила близость позиции Лукина к тому, «что говорила Екатерина II, которая блестяще предварила основные положения уваровской народности» [6: 78]. Исследовательница остроумно предложила уточнить формулу А. Н. Пыпина, изменив «партизан народности в литературе» [10: LIX] на «партизан официальной народности» [6: 78] И. З. Серман поместил идеологическую позицию Лукина в общий контекст моральной философии европейского Просвещения. По его мнению, обличение пороков у Лукина имело «общеморальный», нравоучительный, а не классовый смысл [12: 235–236]. В историографии, однако, не получил должной оценки тот факт, что пьеса Лукина была предназначена для представления на придворном театре. Как мы постараемся показать ниже, «Мот, любовь исправленный» следует рассматривать как придворную комедию, учитывая репертуарный контекст и особенности зрительского восприятия придворной публики.

2. Итак, создавая свою пьесу, Лукин ориентировался на французскую «слезную комедию». Благодаря «Запискам» С. А. Порошина мы располагаем свидетельствами о реакции придворных зрителей на представления двух пьес ведущих французских авторов 1730-х гг.: «Мота...» Детуша и «Блудного сына» (L'Enfant prodigue, 1736) Вольтера. 4 октября 1764 г. Порошин записал собственные впечатления от вечернего представления «Мота, или Честной плутовки» французской труппой:

Его высочество в комедии быть не изволил. Я туда ходил. Большую комедию весьма хорошо играли: последнюю сценою до слез был я тронут. Пришедши, рассказывал о том его высочеству. Его высоче-

ство изволил мне на то сказать: *я думаю, если бы я был, то б и я заплакал* [9: 31].

27 октября 1765 г. Порошин передавал разговор придворных после французского спектакля, который открывался «Блудным сыном» Вольтера:

Как пошли мы из комедии и сходили с маленькой лестницы, то его превосходительство Никита Иванович спросил у камер-юнгферы ее величества Настасьи Ивановны Соколовой: “Eh bien, mademoiselle, comment avez-vous trouvé le spectacle d’aujourd’hui [Ну, мадам, как Вам пришелся сегодняшний спектакль]?” Отвечала она его превосходительству: “Il était charmant, monsieur; j’ai pleuré dans la grande pièce [Он был очарователен, мсье; я плакала в большой пьесе]”. Его высочество, идучи наперед и услышав сие, изволил ей сказать: *cela vous arrive fort rarement, mademoiselle* [с Вами это крайне редко случается, мадам]. (Надобно знать, что Настасья Ивановна нраву очень веселого.) [9: 319–320].

Как видно из этих записей, слезы были не только допустимой реакцией на комическую пьесу, но и конвенциональным способом демонстрации удовольствия от зрелища. Какие именно сцены заставляли проливать слезы придворных?

В пьесах Детуша и Вольтера нравственное преображение персонажей демонстрировалось в ряде трогательных сцен, которые являлись средоточием театрального эффекта «слезной комедии». В последней сцене «Мота...» Детуша, на которую указывал Порошин, Клеон (мот, лишенный наследства, оставленный мнимыми друзьями и любовницей), более всего угнетенный непостоянством Жюли, подлинной своей возлюбленной, хочет заколоться. Жюли тайно присутствует при монологе мота и останавливает его. Она возвращает Клеону состояние, сохраненное благодаря ее хитрости, и соглашается стать его женой. В «Блудном сыне» Вольтера сцен «признания» две: сначала промотавшийся Эвфемон узнает, что некогда оставленная им добродетельная Лиз по-прежнему его любит (IV, 3), затем Эвфемон-отец признает блудного сына (V, 6). В то же время Вольтер располагает серьезные и комические сцены в непосредственной близости, чередует их, оставляя зрителю большую свободу в выборе момента для со-

страдательных слез⁵. Для Дидро в «Беседе о “Побочном сыне”» (Entretiens sur “le Fils naturel”) — это трогательная сцена объятий Эвфемона-сына и его слуги Жасмина [17: 36–37]. Сцена с участием слуги и господина стала центральной и в пьесе Лукина. Именно ее он выбирает для драматического состязания с Детушем.

В предисловии к комедии на замечания о неправдоподобии персонажа верного слуги Лукин отвечал: «...*Василей* для того мною и зделан, что бы произвесть ему подобных, и он должен служить образцом» [8: XVII]⁶. Таким образом, Лукин не видел противоречия между установкой на изображение российских нравов и изображением идеализированных персонажей, достойных подражания, но неправдоподобных. Как представляется, перенесение акцента на отношения слуги и господина в сюжете «Мота, любовь исправленного» и вместе с тем идеализированное изображение этих отношений связаны с обстоятельствами появления пьесы.

3. В процитированном выше фрагменте предисловия к комедии, где говорится об исключительной верности Василея, автор замечал: «Вот примерная добродетель, и такая, которая и в боярах общео называться не может» [8: XIX]. Это пояснение расширяло спектр возможных социальных коннотаций сюжета и придавало ему символическое измерение. Действительно, для русского придворно-бюрократического общества отношения «слуга-господин» были структурообразующими. И. П. Елагин, патрон Лукина, сформулировал это в одном из писем к гр. А. Р. Воронцову: «Я, служив моему отечеству тридцать лет, привык повиноваться и повелевать» [1: 337]. В трактате Ф. К. Мозера «Господин и слуга» (Der Herr und der Diener, geschildert mit patriotischer Freyheit, 1759), который читали во французском переводе русские вельможи⁷, в вынесенных в заглавие категориях рассматривались

⁵ Подробнее об инновациях в пьесе Вольтера см. [17].

⁶ Детуш выдвигает противоположный тезис, называя своей целью “re-présenter le monde tel qu’il est, & non pas tel qu’il devoit être [представлять свет таким, какой он есть, а не таким, каким ему следовало бы быть]” [15: VIII].

⁷ Гр. М. И. Воронцов, посылая книгу гр. К. Г. Разумовскому в октябре 1760 г., писал: «...по весьма хорошему ея содержанию <книга> вам конечно понравится» [1: 46].

отношения государя и его министра. Таким образом, практически любая ситуация внутри профессиональных или придворных отношений могла быть описана при помощи пары «слуга — господин». Закономерно, что эти отношения образовывали в середине XVIII в. один из важнейших метасюжетов придворной литературы.

Лукин настаивал на важности русской реалии — крепостной зависимости слуги Василея, его юридической несвободы. Готовность слуги пренебречь вольностью ради господина представлялась автору «Мота...» важной инновацией его пьесы. Однако этот мотив уже встречался в актуальной для придворной публики европейской словесности. Например, в романе А. Р. Лесажа «Похождения Жильблаза де Сантилланы», который был опубликован в переводе Г. Н. Теплова в 1754–55 гг. (75 экземпляров этого перевода были розданы «знатым персонам»⁸). Это многотомное сочинение представляло собой своего рода учебник для слуг и господ. Главному герою романа удается пройти путь от провинциального недоросля до фаворита всесильного министра, сменив множество состояний. В книге девятой Жильблаз вследствие интриги теряет место и нажитое богатство и оказывается в тюрьме. Его слуга Сципион демонстрирует безграничную преданность своему господину и не только отказывается от половины сбережений последнего, но и добровольно соглашается стать заключенным, чтобы находится при Жильблазе [7: 299–301].

Любопытно, почему Лукин решил актуализировать этот мотив в своей пьесе. Не исключено, что выбор сюжета для комедии был связан с фигурой Елагина, секретарем которого автор «Мота...» стал незадолго до первой постановки комедии — 3 декабря 1764 г. [3: 10]. В январе 1765 г. отношения Елагина с Екатериной не были безоблачными. 4 января 1765 г. австрийский посланник кн. Лобкович сообщал гр. Кауницу о том, что один из кабинет-секретарей императрицы впал в немилость [11: 105]. В следующем послании, 8 января, Лобкович писал, что секретарем этим был Елагин и что его спасло только заступничество гр. Н. И. Панина [11: 106]. Рискнем предположить, что Елагин направлял переводческую и компиляторскую работу Лукина с тем, чтобы с помощью его пьесы заверить Екатерину в своей лояльности и вер-

⁸ См. базу данных [20].

нуть себе ее расположение⁹. Сюжет «Мота...» мог в таком случае читаться как проекция событий 1758 г., когда Елагин, посредник между Екатериной и С. А. Понятовским, был арестован по делу канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, но не выдал великую княгиню на допросах и 5 апреля 1759 г. был сослан в свое имение [13: 304–305]. Первое представление «Мота...» состоялось 19 января 1765 г. в придворном театре, но императрица на нем не присутствовала [9: 164]. Однако, по словам Лукина, Екатерина узнала о комедии сразу после первого представления и пожелала ее видеть. Через пять дней пьеса была играна снова: «В оном представлении имела она тот же успех, какой и в первом: и я, как уже выше сказано, удостоился благоволения моей Монархини, поощряющего меня к продолжению» [8: XXVIII]. Одобрение императрицы, вероятно, свидетельствовало о признании не только литературных качеств пьесы, но и личных заслуг патрона ее автора.

ЛИТЕРАТУРА

- 1** — Архив кн. Воронцова. Кн. 4. М., 1877; **2** — Архив кн. Воронцова. Т. XXX. М., 1884; **3** — *Берков П. Н.* Владимир Игнатьевич Лукин. 1737–1794. М.; Л., 1950; **4** — *Гуськов Н. А.* О жанровом своеобразии нравоучительной драматургии В. И. Лукина // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 1997. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. Вып. 1; **5** — *Евстратов А. Г.* Генезис «склонения на русские нравы»: литература и государственный заказ в начале царствования Екатерины II // Русская филология. 19. Тарту, 2008. С. 29–34; **6** — *Кулакова Л. И.* Неизданная поэма Я. Б. Княжнина (Эпизод из истории литературной полемики 1765 года с приложением текста поэмы «Бой стихотворцев») // Русская литература и общественная борьба XVIII–XIX веков. Л., 1971; **7** — Похождения Жилблаза де Сантилланы, описанные г. Ле Сажем, А переведенные Академии Наук Переводчиком Васильем Тепловым. Т. III. СПб., 1754; **8** — Сочинения и переводы Владимира Лукина. Ч. 1. СПб., 1765; **9** — *Порошин С. А.* Записки, служащие к истории великого князя Павла Петровича // Русский Гамлет. М., 2004. С. 10–372; **10** — *Пытин А. Н.* В. И. Лукин // Сочинения и переводы Владимира Игнатьевича Лукина и

⁹ По словам Лукина, Елагин читал комедию до первого представления [8: XXII]. «От многих и от вас самих я слышал, что некоторые зрители сумневаясь во мне, приписывали сочинение мое перу вашему», — писал Лукин в посвящении Елагину [8: 8].

Богдана Егоровича Ельчанинова. СПб., 1868. С. I–LXXII; **11** — СБРИО. Т. 109. СПб., 1901; **12** — *Серман И. З.* Русский классицизм (Поэзия. Драма. Сатира). Л., 1973; **13** — *Степанов В. П.* Лукин // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999; **14** — *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957; **15** — [*Destouches N.*] *Le Dissipateur ou l'Honneste-fripone, comédie, Par M. Néricault Destouches.* Paris, 1736; **16** — *Dunkley J.* Destouches and moralising comedy: the defining of a genre // *Essays on French comic drama from the 1640s to the 1780s.* Oxford et al., 2000. P. 153–170; **17** — *Dunkley J., Goulbourne R.* L'Enfant prodigue. Introduction // *Voltaire. Les œuvres complètes.* Oxford, 2003. P. 23–40; **18** — *Pictet J.-L.* Journal d'un voyage en Russie et en Laponie fait pendant les années 1768 et 1769 à l'occasion du passage de Venus sur le disque du Soleil // *Deux astronomes genevois dans la Russie de Catherine II.* Ferney-Voltaire, 2005. P. 61–220; **19** — *Welsch D. J.* Russian Comedy 1765–1823. The Hague, Paris, 1966; **20** — Русская книга гражданской печати XVIII в. в фондах библиотек РФ // http://www.nlr.ru/rlin/ruslbr_v2.php?database=RLINXVIII.